

Индоевропейский субстрат в топонимике Южного Урала

Вместо введения

Современная карта распространения языков не отражает картину прошлого. Но используя современную карту, *сравнительно-исторический метод* языкознания позволяет обнаружить, что в языках, удалённых на тысячи километров, встречаются схожие по звучанию и смыслу слова. Это может означать, что когда-то эти удалённые языки близко контактировали между собой. Задачей является составление карты территории, где происходил этот контакт. Собирая эти слова, словно рассеянные по всему миру кусочки мозаики, можно восстановить картину расселения племён древности.

Но как можно быть уверенным, что эти заимствования произошли именно в древности? Для этого применяется приём *реконструкции*, который восстанавливает слова, так как они могли произноситься только в определённый исторический период. Сравнение древних и современных языков показывает, что звуки в них изменяются по определённой системе. Закономерности этих фонетических изменений позволяют датировать то или иное языковое явление. В современной лингвистике применяется также метод *глоттохронологии* (от греческого *glotta* «язык» + *hronos* – «время»). Этот метод определяет скорость распада определённого языка на диалекты и самостоятельные языки.

Своего рода записью информации о древних языках являются географические названия – *топонимы* (от греч. *topos* – место + *онома* – «имя»). Имена рек (гидронимы) и гор (оронимы), оставшиеся от предшествующих (исчезнувших) языков относятся к *субстратному* слою топонимики. К субстрату могут относиться названия, не имеющие убедительного объяснения из ныне употребительных языков. Но когда-то эти названия складывались из

живого разговорного языка, распространённого именно в исследуемом регионе. Изучение субстратной топонимики существенно дополняет исторические знания. Применение этих методов позволяет очертить ареалы распространения языков в древности.

Однако передача географических названий имеет существенное отличие от передачи заимствованной лексики. Отдельные слова входят в языки, становясь их нераздельной частью, закрепляя первоначальный или близкий к нему смысл, даже если их этимология остаётся непонятной. Иначе с именами собственными, которые являются идентификаторами без обязательного закрепления значения. Имена собственные чаще подвергаются переработке, которые существенно меняют их форму. Для топонимов изменения формы нередко влекут за собой и переосмысление, когда неясный смысл названия по созвучию сближается и «пристраивается» к знакомым корням.

К субстратной топонимике Южного Урала относятся географические названия, которые предположительно могут иметь древневенгерское (угорское) или индоевропейское происхождение. Научное изучение субстрата на Южном Урале насчитывает более ста лет. В 1897 году языковед Хейкки Паасонен предположил, что название реки *Ря* (приток реки *Ик*) связано с индоевропейским корнем **srava* – ‘течь’. Но этот факт оказался не единственным. На Южном и Среднем Урале выявлено несколько гнёзд гидронимов с начальным *p-* (*Рясток*, *Реват* и др.), название которых возможно объяснить только из индоевропейских языков [Матвеев 1961: 136-137]. Предположительно ставился вопрос об их происхождении из иранских языков, что соотносилось со свидетельствами античных авторов о присутствии на Урале скифских и сарматских племён в период раннего железного века.

Последующее изучение показало значительное количество выявленных субстратных топонимов, большинство из которых не поддавалось объяснению. Основатель уральской топонимической школы А. К. Матвеев писал: «За время научного изучения субстратной топонимики Южного Урала накоплены многочисленные факты дотюркских названий, интерпретация которых

оказалась очень сложной, однако решение этой задачи должно радикально изменить представления о реконструкции лингвоэтнической карты Южного Урала в древности» [Матвеев 2001: 9].

Для части субстрата индоевропейского происхождения были предложены этимологии из иранских языков. Но другая значительная часть не может быть объяснена на почве иранских языков. И этот факт ведёт исследование в более глубокую историческую древность – в период бронзового века. Эпоха бронзы представлена значимым количеством археологических памятников.

Археологические культуры Южного Урала эпохи бронзы – это культуры без письменности. Материальные факты не могут дать прямого ответа о лингвогенезе этих культур. И всё же, не знавшие письма языки не исчезают бесследно. Поиск этих следов в топонимике в чём-то подобен расшифровке незнакомой письменности и, возможно, послужит выявлению некоторых лексикографических фактов.

Глава 1. Индоевропейские культуры Восточной Европы в эпоху бронзы

Индоевропейские языки уже в древности были распространены на обширном пространстве от Западной Европы до Индии. Вопрос о местонахождении индоевропейской прародины, остаётся открытым. Две основные гипотезы в качестве такого места рассматривают: 1) регион между Волгой и Днепром («курганная гипотеза»); 2) Балкано-Карпатский регион.

Генетики высказались за локализацию индоевропейцев в регионе Нижней Волги и Предкавказья в период около 4500 г. до н.э. [Patterson, Lazaridis, Reich, 2024]. Эти выводы укладываются в концепцию сторонников «курганной гипотезы», рассматривающих хвалынскую культуру Нижнего и Среднего Поволжья (около 4600-3900 гг. до н. э) как культуру ранних праиндоевропейцев [Anthony, Khokhlov, Agarov S., Agarov D., Schulting, Olalde, Reich, 2022].

Более ясной представляется картина деления индоевропейских диалектов в период, когда они уже достаточно широко разошлись территориально. По данным глоттохронологии, обоснованным группой исследователей (А. С.

Касьян и др.), в интервале 3400 – 2200 до н.э. происходит одномоментное разделение узкоиндоевропейского узла на четыре ветви (1) греко-армянскую, (2) албанскую, (3) итало-германо-кельтскую, (4) балто-славянскую-индоиранскую [Kassian, Zhivlov, Starostin, Trofimov, Kocharov, Kuritsyna, Saenko, 2021]. Изучая диахронию акцентных систем В. А. Дыбо приходит к выводу, что в период 2840 – 2480 гг. до н.э. индоевропейская общность разделяется на две основные зоны по акцентному типу: северо-западную и юго-восточную. Кельтские, германские и балто-славянские языки принадлежат к числу архаичных индоевропейских языков, тогда как арийский и греческий – это уже инновационные языки [Дыбо, 2013: 99, 105]. В. А. Дыбо допускает, что упрощение акцентной системы в греческом и арийском языках связано с выходом носителей языков юго-восточной группы в степь и переходом к отгонному скотоводству [Дыбо 2013: 106]. Отсюда есть понимание, что различный тип хозяйствования постепенно накапливал различия между индоевропейскими культурами степного или лесного типа.

Ранний период средней бронзы. Археологическим эквивалентом для северной макрогруппы индоевропейских диалектов может быть культура шнуровой керамики (3200 – 2300 г. до н. э./1800 г. до н. э.). Около 2750 г. до н. э. культуры шнуровой керамики расширяются на восток от Прибалтики до Волго-Камья, образуя фатьяновскую и балановскую культуры. Область этих культур совпадает с ареалом древнеиндоевропейских гидронимов балтийского типа (стадии прабалто-славянского языка) [Агеева 1985: 101] (Рис. 1).

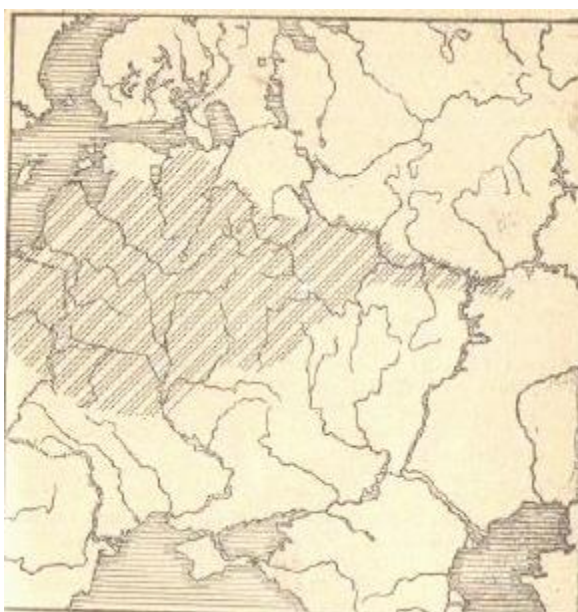

Рис.1. Гидронимия балтского типа (стадии прабалто-славянского языка)

В степной зоне Восточной Европы индоевропейская ямная культура ранней бронзы (3300—2600 гг. до н. э.) сменяется катакомбной культурой. Возникновение катакомбной культуры синхронизируется с ранним этапом фатьяновской культуры [Кияшко 2003: 104]. В катакомбной культуре можно предполагать эквивалент для оформления юго-восточной инновационной зоны индоевропейских языков. Между фатьяновско-балановским и катакомбным ареалами существовали культурные контакты, хотя не очень интенсивные из-за различия степных и лесных типов культуры. А. В. Кияшко отмечает, что эти контакты усиливаются накануне и процессе формирования локальных катакомбных культур Предкавказья, т.е. начиная с середины III тыс. до н.э. [Кияшко 2003: 104] (Рис. 2).

Рис. 2. Лесные и степные культуры среднего бронзового века Восточной Европы (III тыс.- начало II тыс. до н.э.)

Бинарный распад балто-славяно-индо-иранской ветви по С. А. Старостину датируется 2710 г. до н.э. [Blažek 2007: 85]. В филогенетическом древе Т. Оландера это событие происходит между 3000 и 2500 г. до н.э. [Olander 2018: 4]. Доверительный интервал по расчётам А. С. Касьяна и группы исследователей между 2723–1790 гг. до н.э. (средняя дата 2241 до н.э.) [Kassian, Zhivlov, Starostin, Trofimov, Kocharov, Kuritsyna, Saenko, 2021]. Таким образом, эти даты близки к датам формирования фатьяновской и катакомбной культур (около 2750 г. до н.э.).

В шкале С. Е. Яхонтова языки после расхождения проходят следующие фазы: 200 лет после расхождения языков – свободное понимание; 500 лет – отдельные случаи непонимания; 1000-1500 лет – отдельные знакомые слова и фразы и т.д. [Яхонтов 1980: 150]. До первой трети II тыс. до н.э. прарийские и пра-балтославянские диалекты находятся в стадии взаимопонимания.

Особое место занимает ямная культура ранней бронзы (3300—2600 гг. до н. э.), которая предшествовала катакомбной. Она занимала области от южного Приуралья на востоке до Днестра на западе, от Предкавказья на юге до среднего Поволжья на севере. Ранее в лингвистике разрабатывалась гипотеза о происхождении греческого и арийского языков из одного общего диалекта («греко-арийская гипотеза»). Финские учёные К. Карпелан и А. Парпола, придерживаясь данной гипотезы, предположили, что дифференциация ямной общности выделила из неё ареалы праиндоарийского (абашевская культура), праиранского (полтавкинская культура) и прагреко-фригийского (катакомбная культура). Объединяющими для этих ареалов были названы общие инновации в увеличении вокальных носовых на *a («аугментные») [Karvelan, Parpola 2003: 79]. Сходная концепция арийской принадлежности древнеямной культуры, из которой впоследствии выделилась индоарийская кубано-днепровская культура, разрабатывается в работах Н. А. Николаевой [Николаева 2019: 576].

Однако поиск арийского ареала в пределах ямной культуры вступает в противоречие с фактами ямно-афанасьевских связей. Ямная культура, особенно

её волго-уральская группа, стала источником образования афанасьевской культуры в Южной Сибири [Фрибус 2009; Хохлов 2016: 96]. А. В. Фрибус отмечает несколько волн миграций ямников в область афанасьевской культуры: первая на рубеже IV-III тыс. до н. э. и последняя в период со 2-й половины III до начала II тыс. до н. э. [Фрибус 2009]. С афанасьевской культурой связывается ареал «тохарского» языка. «Тохарский»¹ отделился от общеиндоевропейского узла ещё в IV тыс. до н.э. и не имеет близких связей с индоиранскими языками.

Сегодня уже ясно что, помимо «тохарского» языка в южной Сибири могли быть и другие, близкие «тохарскому» языки, не оставившие продолжения и письменных свидетельств. Признание их существования утвердилось в науке в виде термина «*паратохарские*» языки, то есть схожие, близкие с «тохарским». Американский лингвист Г. Карлинг поставила вопрос о существовании во II тыс. до н.э. в Центральной Азии и другого неизвестного индоевропейского языка, следы заимствований из которого есть в «тохарском», индоарийском и, вероятно, в китайском языке [Сверчков 2016: 817]. Ямная культура могла относиться к ареалу этой группы индоевропейских языков (Рис.3).

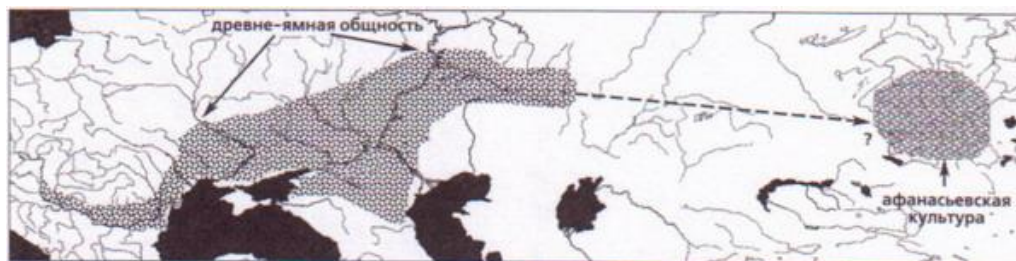

Рис. 3. Ареальные связи ямной и афанасьевской культур.

¹ В начале XX века в китайском Восточном Туркестане (Синьцзяне) были найдены буддистские тексты, написанные на двух близких языках. Когда эти языки стали изучать, они получили названия «тохарский А» и «тохарский В». От греческих авторов было известно, что в Синьцзяне обитало племя тохаров (в Китае их называли юэчжи), которое захватило потом Бактрию в Средней Азии. Позже связь исторических тохаров с обнаруженными тестами не подтвердилась. Тохары были ираноязычны, а язык текстов принадлежал совсем другой индоевропейской ветви. Но, несмотря на свою неточность, это название пока не имеет альтернативы.

Практически синхронно с катакомбной формируется полтавкинская культура в Среднем Поволжье и Волго-Уральском междуречье, которая стала результатом сложения традиций пришлых энеолитических лесостепных племен и местного ямного населения под весомым влиянием зарождающейся катакомбной общности [Сухорукова 2008: 18]. Катакомбное влияние настолько значительно, что волго-донской вариант полтавкинской культуры становится базой для сложения волго-донской катакомбной культуры [Кияшко 2003: 103; Сухорукова 2008: 18]. По исследованиям А. В. Кияшко и Е. П. Сухоруковой полтавкинское влияние ограничивается рамками раннего этапа среднего бронзового века [Мельник 2009: 271–272]. На позднем этапе в этом регионе происходит сложное взаимодействие полтавкинского, катакомбного и поздняямного населения более южных/юго-западных территорий [Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000].

Поздний период средней бронзы.

Посткатакомбные культуры. Смена катакомбной культуры свитой посткатакомбных культур происходит в XXII в. до н.э. Археолог Р. А. Мимоход связывает это событие с общей аридизацией климата в Европе около 2200 г. до н.э. и последовавшими за этим миграционными потоками на катакомбную территорию. Исследователь выделяет два круга посткатакомбных культур: бабинский (прежнее название «культура многоваликовой керамики») и лолинский. Общим для них является генетическая связь с катакомбной культурой [Мимоход 2022, т. 2: 115]. В формировании бабинских культур значимую роль играет миграционный импульс из Центральной Европы и дунайско-карпатского региона (связанный с культурами колоколовидных кубков, унетичкой, Нитра, Муреш (Печицкой) [Мимоход 2022 т. 2: 171]. Образование культур лолинского круга связано с северо-кавказским миграционным импульсом [Мимоход 2022, т. 2: 147].

Бабинская культура обнаруживает значительное сходство с микенскими гробницами, что позволило считать её протогреческой [Березанская 1986: 38]. С. С. Березанская пришла к выводу о том, что отчетливо выделяются два

периода в развитии бабинской культуры. Признаки контакта прагреческого и праарийского языка: «аугментные» инновации, общее в акцентной системе, общность флексий для греческого и санскрита, отмеченная Францем Боппом. Пришедшие из балкано-дунайского региона племена, принявшие участие в формировании потскакомбных культур могли быть носителями не только греческого языка, но и очень близких к греческому наречий. Греческий язык был практически неотличим от древнефракийского языка [Откупщиков 2001: 308]; к фракийскому примыкали другие палеобалканские языки: фригийский, карийский, македонский. С учётом географических реалий культуры колоколовидных кубков, переход от катакомбной культуре к бабинской мог происходить с участием кельтско-италийских диалектов.

Под натиском событий, знаменующих распад катакомбной общности, катакомбное население Предкавказья ушло в северном-северо-восточном направлении, приняв участие в формировании региональных вариантов посткатакомбных культур: Волго-Донской Бабинской культуры (ВДБК) и Волго-Уральской культурной группы (ВУКГ) [Мимоход 2022, т. 2: 151], (Рис.4).

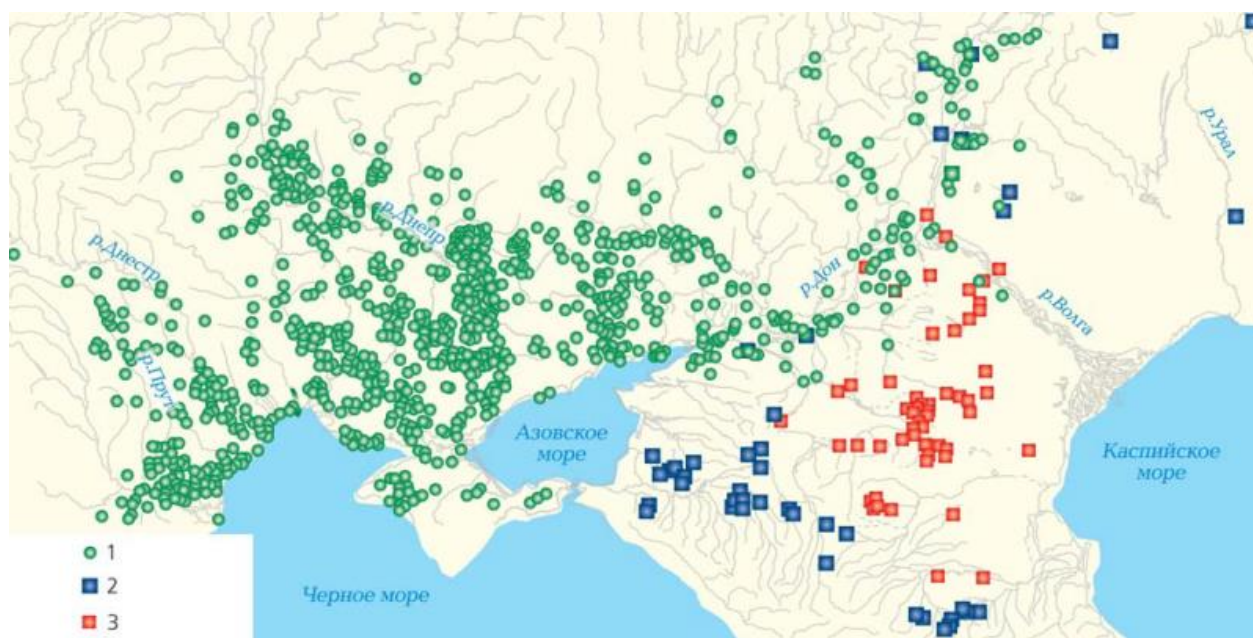

Рис. 4. Территория посткатакомбных культурных образований: 1 — днепро-прутская, днепродонская и волго-донская бабинские культуры; 2 — культуры лонинского круга: кубанская, архонская и волго-уральская культурные группы; 3 — лонинская культура [Мимоход 2018]. Источник: <https://andvari5.livejournal.com>

События распада катакомбной культурно-исторической общности оказаться фактором разделения праарийского языка на праарийскую и праиранскую ветви. По расчётам Д. И. Эдельман процесс разделения произошёл в конце III тыс. до н.э. [ЭСИЯ, I: 17]. Вектор миграций катакомбного населения мог продвинуться и выше Волго-Донской Бабинской культуры (ВДБК) до территорий абашевской культуры в Предуралье.

Вероятно, тогда же часть катакомбников продвинулась в юго-восточном направлении до Амударьи, где в культуре Заман-Баба, датируемой концом III тыс. до н.э., наблюдается влияние катакомбных и ямных традиций на формирование этой культуры [Кузьмина 2014: 46].

Абашевская культура. В период XXII в. до н.э. на территории от верховьев Оки на западе до Южного Предуралья на востоке сформировалась абашевская культура (2200 – 1800 г.г. до н.э.), принадлежащая к лесному типу культур. По выводам многих исследователей абашевская культура, как и фатьяновская, принадлежит к кругу культур шнуровой керамики. Фатьяновские племена генетически связаны с абашевской культурой, предшествуя ей и территориально, и по целому ряду культурных признаков (шахматный орнамент, форма топоров и т.д.). Но сам процесс перехода к абашевской культуре связан, не только с фатьяновцами, но и с новым западным импульсом культур шнуровой керамики. Границы абашевской культуры сдвинулись дальше на юго-восток относительно прежнего ареала фатьяновской культуры. Территории Южного Предуралья достигли носители унетицкой культуры с территории совр. Словакии, оставившие Северно-Бирский могильник (по мнению Д. А. Крайнова он принадлежал уже фатьяновской культуре) [Крайнов 1971: 16]. В первую очередь центрально-европейский импульс оказал влияние на формирование Средневожской абашевской культуры (САК) в Верхнем и Среднем Поволжье, где прослеживается большое влияние носителей культуры колоколовидных кубков [Мимоход 2022 т. 2: 175-199]. Отсюда наблюдается некоторое отличие САК в керамике и погребальных обрядах от Южно-Уральской абашевской культуры. Одновременно влияние шнуровой

среднеднепровской культуры отразилось в вольско-лбищенской группе Среднего Поволжья [Васильев 2003]. По характеристике В. А. Лопатина, вольско-лбищенские памятники показывают, что дальняя миграция шнуровых культур затронула также более южную широтную зону днепро-донецкой и доно-волжской лесостепи, изменив прежние «затворнические» императивы лесостепных племён [Лопатин 2012].

С появлением абашевского населения в лесостепном Волго-Уралье контакт лесных культур со степным миром становится более тесным и приобретает черты культурного взаимодействия (общая морфология керамики, мотивы и элементы орнамента) [Кияшко 2003: 106]. С учётом региональных отличий в абашевской культуре обоснованным можно считать предположение Е. Е. Кузьминой о полилингвизме абашевской культуры, в формировании которой участвовали несколько индоевропейских языков: арийский, балто-славянский и другие [Кузьмина 2003: 77; Кузьмина 2014: 125]. Прабалтийско-славянский пространственно-языковой континуум в силу своей протяжённости, вероятно, имел в себе два (или больше) диалектных полюса с полосой промежуточных диалектов. Из этих полюсов к середине II тыс. до н.э. разовьются праславянский язык (через «славяно-пруссский» этап) и пралетто-литовский («восточно-балтийский») язык-предок литовского и латышского языков) [Жих 2020: 12-16]. Фатьяновская и балановская культура, вероятно, представляли собой восточные диалекты славяно-балтийского континуума. Центрально-европейский импульс, повлиявший на формирование абашевской культуры и волго-лбищенской группы, мог представлять собой носителей диалектов из западного крыла ареала прабалто-славянского языка вкупе с гипотетическим участием носителей иллирийских и кельтско-италийских диалектов.

Возможно, перемещение части катакомбников в лесную зону и их участие в абашевском культурогенезе в пределах Южно-Уральской абашевской культуры стало фактором формирования праиндоарийского языка в условиях контакта с прабалто-славянским. До первой трети II тыс. до н.э. прарийские и прабалтославянские диалекты находятся на второй ступени различия (отдельные

случаи непонимания). В культурном плане это были не сильно отличимые лесной и степной варианты древнеиндоевропейской культуры. Древнейшие ареальные связи индоарийского и праславянского языков подтверждаются многочисленными схождениями, описанными в новом Русско-санскритском сопоставительном словаре К. Л. Борисова и А. К. Шапошникова. Даже весьма поверхностный анализ особенностей полнолексемных славяно-санскритских сопоставлений, собранных в словаре, создаёт картину, в полной мере подтверждающую гипотезу Томаса Барроу о некогда действительно существовавшем родстве «между древним индоиранским и теми диалектами индоевропейского, которые в конечном счете развились в балтийские и славянские языки» [Борисов, Шапошников 2024: 11].

Синташтинская культура (XXI – XVIII вв. до н.э.). Абашевская культура становится одним из компонентов при создании синташтинской культуры в степном Зауралье [Кузьмина 2014: 125]. Большинство исследователей сходятся в том, что сложение Синташты при бесспорной для всех абашевской подоснове, следует увязывать также со степным катакомбным компонентом и рассматривать в контексте глобального процесса распада катакомбной общности [Литвиненко 2003: 149]. В формировании Синташты отмечается некоторое участие посткатакомбной Волго-Уральской культурной группы [Мимоход 2022 т. 2: 272-280]. В истории древнего мира абашевская и синташтинская культура, представляют собой феномен Волго-Уральского очага культуригенеза, заметно превосходящий по уровню развития соседние культуры и ставший для них источником многих культурных и технологических инноваций. Отличительной чертой синташтинской культуры является наличие укрепленных поселений, признаки вождества и элиты, состоящей из колесничих [Бочкарев В.С. 1995: 22-24].

Культурное воздействие синташтинской культуры на последующую историю Волго-Уральского региона значительно. Под её воздействием формируется потаповская культура на Средней Волге (XXI – XVIII вв. до н.э.). Обнаруживаются значительные сходства синташтинского материала с

бабинской культурой Северного Причерноморья (XXII—XVIII вв. до н.э.). Эти сходства Р. А. Литвиненко объясняет общей катакомбной подосновой [Литвиненко 2003: 149]. Но не все факты можно объяснить одной подосновой. Бакинские племена стали основателями Микенской Греции, формирование которой относится к концу XVII—XVI веков до н. э. Находки дисковидных псалиев в синташтинских курганах показывают, что они аналогичны подобным изделиям их микенских шахтовых гробниц [Пыслару 2000: 322]. При этом первые псалии изготавливались из рога лося. В Микенской Греции псалии становятся металлическими. Но некоторые элементы, ненужные для металлических псалиев, но необходимые для псалиев из рога, по традиции остались [Бочкарёв, Кузнецов. 2010: 292-343]. К синташтинской культуре относится также и появление первого колеса со спицами. Древнейший отпечаток такого колеса, датируемого рубежом XXI – XX веков был найден в синташтинском могильнике Кривое озеро в Брединском районе Челябинской области. Начало II тыс. до н.э. отмечено формированием «блока колесничных культур» (термин Р. А. Мимохода), в него входили синташтинская-потаповская-покровская культуры при бесспорной синташтинской основе. Влияние блока колесничных культур на бабинскую культуру стало двояким. С одной стороны этот блок стал для бабинцев источником многих культурных инноваций, с другой он же, вероятно, «поспособствовал» уходу бабинских племён на Балканы. В итоге сложился коридор родственных культур от Оби до Эллады, названный Д. Г. Здановичем «синташтинско-микенским хронологическим горизонтом» [Зданович Д. 1995: 65]. По мнению австро-словацких археологов Й. Владара и Й. Лихардуса реалии синташтинской культуры имеют отчётливые связи с генезисом Микенской Греции [Lichardus, Vladar 1996].

Воздействие синташтинской культуры было долговременным и к востоку от Уральского хребта. Её характерные черты во многом определили характеристику культур андроновской культурно-исторической общности (XVII—XI вв. до н.э.). По принципу «матрёшки» в состав андроновской общности входили культуры лесостепной зоны Южного Урала и Зауралья –

алакульская, фёдоровская, коптяковская и черкаскульская. Однако социальная организация этих обществ эволюционировала в сторону значительного упрощения, исчезают признаки вождества, исчезает сложная архитектура поселений, снижается уровень инновационного значения [Бочкарёв 1995: 27].

Подходы к описанию лингвоэтнической интерпретации синташтинской можно представить в виде трёх основных моделей:

Модель А: В этой модели распад индоиранской общности датируется периодом не позднее середины III тыс. до н. э. В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе считают, что «есть основания предполагать иранский слой населения» в синташтинской культуре [Иванов, Гамкрелидзе 2013: 130]. По мнению Ю. И. Михайлова «особенности обрядовой практики синташинского населения позволяют рассматривать его как древнеиранский этнос и получают развитие в среде андроновского населения» [Михайлов 2002: 204].

Модель В: Арийская (индоиранская) общность распадается в начале II тыс. до н. э. По мнению И. С. Стеблин-Каменского Аркаим и Синташта представляют эпоху распада индоиранской общности [Стеблин-Каменский 2009: 18]. Е. Е. Кузьмина предполагает, что «Синташта и Потаповка отражают период индоиранского единства, а вся отделившаяся срубная культура принадлежит иранцам» [Кузьмина 2014: 125].

Модель С: Арийская общность распадается скорее к концу III тыс. до н.э. Синташтинская культура складывается в период отдельного существования древнеиранского и индоарийского. Уже в начале исследований синташтинских памятников В. Ф. Генинг отмечает обрядовые аналогии ведическим традициям [Генинг 1977: 65,72-73] Г. Б. Зданович по результатам исследований Аркаима и других поселений выдвигает гипотезу об индоарийской принадлежности синташтинской культуры [Зданович 1995: 42].

Андроновский арийский язык. Значимый массив арийских заимствований в лексике финно-угорских языков всегда был аргументом присутствия индоиранских (арийских) племён в степях Евразии периода древней истории.

История вопроса. По мере выделения таких заимствований появлялись и представления об их периодизации. Выделялись заимствования иранского происхождения: сармато-аланский язык (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.); восточно-иранский язык (I тыс. до н.э.) и более ранние периоды, которые предполагались как древнеиранские-праиранские. Однако детальное исследование В. И. Абаева показало, что эти заимствования не являются иранскими, а принадлежат к праиндоарийскому языку [Абаев 1972: 307]. Столь же обоснованны выводы исследования Е. А. Хелимского о том, что наиболее многочисленная и репрезентивная часть заимствований в финно-угорских языках не имеет никаких иранских

или раннеиранских черт. Размышляя над этими выводами, Е. А. Хелимский пишет, что эти заимствования «можно было бы признать индоарийскими или ранне-индоарийскими, если только бы такая историческая атрибуция имела права на существование» [Хелимский 2000: 508]. Для решения этой проблемы Е. А. Хелимский выдвинул предположение, что язык, из которого сделаны эти заимствования, мог принадлежать к какой-то отдельной, ныне исчезнувшей ветви арийских языков. Носителей этого языка Е. А. Хелимский связал с андроновской культурой, введя в научный оборот термин «андроновский арийский язык».

В. В. Напольских отмечает, что публикация Е. А. Хелимского наилучшим образом отражает вопрос урало-арийских связей, но её выводы оказались под влиянием экстралингвистических соображений. Лингвистический материал прямо вёл к выводу о том, что описываемый им «андроновский язык» был индоарийским. Однако инерционные представления о невозможности более северной локализации индоарийских языков относительно иранских, оказали влияние на выдвижение Е. А. Хелимским недостаточно обоснованных выводов о существовании неизвестной ветви арийских языков [Напольских 2015: 133]. По мнению В. В. Напольских термин «андроновский арийский» язык является неудачным. Арийские заимствования не ограничивались восточно-финно-угорскими языками, территориально близкими к андроновским культурам, но имеются и в доприбалтийско-фино-мордовских диалектах, которые в начале II тыс. не могли помещаться восточнее Среднего Поволжья [Напольских 2015: 136]. Следовательно, фино-мордовский материал заимствований показывает, что арийско-уральские контакты могли территориально начаться в ареале абашевской культуры.

Контакт между праарийским и прафинно-угорским языками начался в степях Южного Урала (в начале III тыс. до н.э.) и продолжился затем между языками-потомками финно-угорского и выделившимся из праарийского индоарийским языком [Напольских 2015: 137]. Распространение иранских языков на Южном Урале начинается лишь с началом эпохи раннего железного века (с рубежа II-I тыс. до н.э.).

Вопрос о выделении диалектов андроновского арийского языка не исследован. Двойное отражение рефлекса праиндоиранского *а как заднего гласного в одних заимствованиях и переднего — в других может быть вызвано как хронологическим различием между более ранним и более поздним слоями заимствований, так и различием между диалектами [Живлов 2013: 220]

Историческая справка. Проблема диалектов остаётся актуальной, так как между культурами андроновской области имеются отличия. Племена алакульской культуры продвинулись на территорию Челябинского Зауралья с южных степных районов в период

второй четверти тыс. II до н. э. Алакульцы выступают прямыми продолжателями синташтинской культуры [Алаева 2015: 7]. По ряду признаков ареально смыкающаяся с ней федоровская культура также выступает продолжением синташтинской культуры [Малютина 1994: 8]. Вопрос о взаимосвязях родственных алакульской и федоровской культур остается неясным. Имеются два основных подхода к его решению: 1) обе культуры развивались синхронно; 2) федоровская культура возникает позже и в результате выделения из алакульской. Недавно высказана версия, что федоровцы являются мобильной группой в иерархии алакульского общества, нацеленной на освоение новых пространств [Корочкова, Усанова 2020: 74-83]. По мнению С. А. Григорьева различия между андроновскими культурами объясняются не только степным или лесным типом хозяйствования, но и тем, что племена андроновской КИО представляли различные этнолингвистические группы индоевропейцев, включая балто-славянский компонент [Григорьев 2008: 190].

По мнению И. М. Дьяконова андроновцы могли принадлежать к дардской и кафирской (нуристанской) ветви арийских языков [Дьяконов 1995: 128]. Праиндоарийский язык был общим предком как для ведического языка (а затем санскрита), так и для дардской ветви индоиранских языков, распространённой ныне только в пределах гор Гиндукуша и в Кашмире. Об исторических дардах (Darada) почти ничего не известно. Археологические свидетельства и особенности дардской мифологии показывают, что предки дардов пришли в Индию ещё раньше ведических ариев, сохранив наиболее архаичные черты общеарийского периода [Кузьмина, 2008: 147–158]. По глоттохронологическим подсчётам В. Блажека и И. Хегедюш отделение дардской ветви от праиндоарийского языка произошло около 1600 г. до н.э., а с учётом новой модели дивергенции арийских языков, представленной Р. Липпом, ближе к концу II тыс. до н.э. [Напольских 2015: 129-131]. Обстоятельства разделения могут быть напрямую связаны с историческими процессами смены культур в пределах андроновской культурно-исторической общности.

На базе покровской культуры «блока колесничных культур» между реками Днепр и Урал сформируется срубная культурно-историческая область (XVIII—XV веков до н. э.), в археологическом отношении общепризнанно – древнеиранская. Около 1900 г. до н.э. по подсчётам В. Блажека и И. Хегедюш нуристанская ветвь отделится от праиранского языка. Срубная культура в своих

восточных пределах будет представлять смешанные контактные территории с андроновскими культурами.

Обзор литературы по топонимике. Наиболее системно вопрос о субстратном происхождении ряда топонимов Южного Урала рассматривается в работах А. К. Матвеева [Матвеев 1990 и др.]. Им же отмечена особенность, присущая субстратной гидронимике Урала: 1) многообразие гидронимических типов при относительной малочисленности однотипных топонимов; 2) изолированность многих гидронимов; 3) разнообразие источников и т.д. [Матвеев 1961: 134].

Достаточно полно для словарного формата тема субстрата освещается в Словаре топонимов Башкирской АССР под редакцией Т. М. Гарипова, А. А. Камалова, З. Г. Ураксина [СТ БАССР 1980]. Этимологии субстратных топонимов объясняются из иранских языков, что соответствовало уровню научных знаний того периода, либо помечаются как неясные.

В результате новейших исследований Г. Х. Бухаровой был выделен ряд уральских топонимов, объяснимых на индоевропейской основе, включая целый ряд объяснимых из санскрита – Ря, Рятамак, Сакмара, Гара, Инзер, Уда, гидронимы с формантом *тәй-/туй* от санскритского *toya* – ‘вода’ (гидронимы Тәй, Тәйлен, Туймазы) и др. В нарицательной диалектной лексике башкирского языка сохранился ряд географических терминов и образующая топонимы лексика индоиранского происхождения. К примеру, в южных диалектах башкирского языка (ик-сакмарский говор) имеется слово *салсык* – ‘вода’, ‘немного болотистая местность’. С ним сближаются гидронимы, образованные от и.-е. термина **sal* – ‘вода, источник’ (реки Саласы и Салжик) и санскритского *sara* – ‘течь’ (река Сарманай) и др. [Бухарова 2013: 69–71; Бухарова 2016: 7-23].

В Челябинской области словарная литература представлена Топонимическим словарём «От Парижа до Берлина по карте Челябинской области», составленным преподавателем географии Н. И. Шуваловым [Шувалов 1982; Шувалов 1989]. В этом словаре тема субстрата была оставлена без внимания. Попытки восполнить пробел, предпринятые краеведом В. В. Поздеевым ушли в

другую крайность. В Топонимическом словаре В.В. Поздеева попытки отыскать субстрат оказались взяты чрезвычайно широко, а для объяснения топонимов привлекались сравнения с одним из современных восточно-иранских языков (пуштунским) без учёта иных исторических и этимологических характеристик.

Методы исследования. Методологической основой исследования является этимологический анализ топонимов — комплекс методов, в котором основным является сравнительно-исторический метод. Объектом являются так называемые «тёмные, неясные» слова, в которых носителям современных языков непонятны связь формы и значения слова. Предметом является исследование источников и процесса формирования топонимов. Формирование лексики образующей субстратную топонимику происходило в дописьменный период, поэтому в исследование необходимо включается метод реконструкции лексем древнейшего периода. Этимологический анализ предполагает соблюдение трех основных правил этимологизирования: фонетической обоснованности, словообразовательной мотивированности и семантической вероятности. В задачи этимологического анализа входит обоснование исторического контекста формирования топонимов, выделение их связи с культурными ареалами. Ступенчатая реконструкция может применяться в ограниченных пределах, так как изменения в произношении топонимов с неясным смыслом могут происходить по непонятной логике, через переосмысление с похожими словами.

Глава II. Географические реалии Южного Урала эпохи бронзы: опыт реконструкции.

Говоря об археологических открытиях аркаимско-синатштинской среды, академик Вяч. Вс. Иванов отметил, что они могут быть интерпретированы в свете возможных лингвистических реконструкций. Конкретные области возможных исследований включают в себя проблему лингвистической идентификации гидронимов и топонимов [Иванов 1999: 45–46].

Аваляк. К массиву одной из высочайшей вершин Урала – горы Ирмель

(1589 м.) примыкает горный хребет Аваляк (башк. Әүәләк). По версии М. И. Альбрута и Г. Е. Корнилова, выдвинутой в начале 1960-х годов, топоним Әүәләк происходит от башкирского слова *аулак* — ‘укромный, безлюдный, глухой, дикий’ [Матвеев 1990: 230]. В других тюркских языках значение слова *аулак* — ‘место изобилующее дичью’ < от др.-тюрк. *avla* – ‘охотиться’ [ДТС 1969: 70]. Фонетические основания авторов гипотезы перехода *Әүәләк* < *аулак* неубедительны. Неудобную гласную *ә* можно не замечать, но это не меняет факта: слова эти различные. Семантика такого толкования также вызывает вопросы: чем этот хребет может отличаться в плане «глухости» от любой другой горной местности? Более того, священная у башкир гора Иремель фактически является одной из вершин хребта Аваляк. На гору Иремель осуществлялись ритуальные восхождения, в эпосе описывается народное собрание на этой горе [Абсалямова 2022: 18]. Для данной сакральной местности меньше всего походит семантика со значением ‘дикое место, глушь’. В интернет-источниках толкование Г. Е. Корнилова и М. И. Альбрута употребляется *a priori*, хотя А. К. Матвеев отмечал, что оно является мнением исследователей [Матвеев 1990: 230]. Собственно это толкование не было принято составителями «Словаря топонимов Башкирской АССР» 1980 года, где топоним Аваляк объясняется иначе: «возможно от антропонима Әүәләк» [СТ БАССР: 179].

На его восточном склоне хребта Аваляк, на высоте 720 метров над уровнем моря, берет свое начало река Белая (Агидель). Именно эта отличительная особенность может рассматриваться как смысловое основание для названия. Ороним Аваляк можно перевести как «Гора с истоком реки» (буквально «камни истока») со следующей этимологией:

Компонент *Ava-* < арийское **au̯: *ua* – ‘увлажнять, течь’ [ЭСИЯ, I: 256]; ПраИЕ < **au̯(e)-9* – ‘увлажнять, течь’ [Рокорпну, I: 78]; др.-инд. *avatá-ḥ* – ‘фонтан’; кельтское *aber-* ‘вытекать’, леттское *aviõts* – ‘родник, ключ, река’. Гидронимы: *Ova* – приток Немана, *Ovanta* – река в Литве, *Aba* – впадающая в Чёрное море река, *Avara* – река в Галлии, *Aventia* – нимфа ручья *Aventicum* в

Галлии.

Кельтский элемент *aber-* в значении «вытекать» часто встречается в топонимике Уэльса, Корнуолла и Шотландии (*Aberaeron, Abercraf, Aberdare* и др.), всегда в виде префикса [Уразметова 2022: 51].

Компонент *-lyak* < ПраИЕ **l̥eu-2* : *l̥au-* – ‘камень’: др.-греч. *λάιυξ*, – ‘камень’, *λάιυυες* – ‘камни’ (у Гомера) < **l̥ai̯uk-* с заменой суффикса, валлийское *llech* – ‘валун, камень’; др.-ирл. *līe* – ‘камень’, в род. пад. *līac* < из кельтского **l̥i̯uank-* [Рокорпу, I: 683]; кашмирское *lākh* – ‘куча вещей, собранных вместе’; калашское *lanḡá* – ‘камень, каменистое место’ (из дардского кховарского языка, с носовым звуком *ŋ*).

Топоформант – *llech* относится к числу распространенных в топонимике Уэльса (*Benllech* от *ben* – ‘вершина, конец’ и *llech* – ‘камень’ и др). Для валлийского языка характерна семантическая связь понятия ‘вершина, конец’ и ‘исток реки’, отчётливо выраженная в лексеме *blaen, blaenau* – ‘конец, исток реки, возвышенность’ [Уразметова, 2022: 93-94].

В Уэльсе имеется топоним *Aberllech* – полностью идентичный и по морфологии по семантике с предполагаемым значением топонима Аваляк. Аберллек известен тем, что возле него в 1086 году произошла битва между валлийцами и англичанами (норманнами) и топоним был засвидетельствован в документах раннего средневековья [Historic battlefields in Wales: 2].

Схожее значение имеет название холма Блаен Ллек (*Blaen-Llech*). В Уэльсе протекает река Нант-Ллек («ручей валунов»), названная так в связи с тем, что течёт по россыпям песчаников. Истоки этой реки — Нант Ллек Пеллаф и Нант Ллек Исаф, сливаются в одну реку возле холма Блаен Ллек (дословно «источник- камень», «источник ручья Ллек») [*Blaen-Llech, Nant-Llech*].

Ороним Аваляк необычайно архаичен. Компонент *-lyak* кроме древнегреческих текстов имеет параллели только на дальних рубежах индоевропейской ойкумены: в дардских и кельтских языках. Относительно индоиранских языков первый компонент **ai̯*:**ya* не имеет явного развития в иранских языках [ЭСИЯ, I: 256], а второй компонент не сохранился ни в

иранских, ни в индоарийских языках. Если происхождение топонима связано с индоиранскими языками, то это может быть язык праиндоарийской стадии (до отделения дардского языка, произошедшего в середине-конце II тыс. до н.э). Генезис названия может быть связан и с другими древними индоевропейскими языками, уточнение которых не представляется возможным.

Обоснование этимологии: Каменные реки (курумники) — неотъемлемая часть рельефа Авалякского хребта. «Русла» курумников могут наполняться водой весной, но в ряде случаев вода течёт под ними весь год. Река Тыгын — приток реки Белая, текущий с горы Иремель течёт под курумником на протяжении 6 километров (Рис. 3).

Рис. 3. Курумник реки Тыгын

Иремель, гора (башк. *Ирэмэл, Ирэмэли*). Отмечено свыше десяти толкований к этимологии оронима, свод которых имеется в статье Ю. А. Абсалямовой [Абсалямова 2021: 17]. Объясняли от башкирского *ырым* — ‘колдовство’, *ырымлы* — ‘заколдованный’ но эти слова никак не соответствуют по своему звуковому составу башкирскому звучанию топонима — Ирэмэл. Авторы словаря топонимов Башкирской АССР возводят к башкирскому слову «*ир*» от «*эйәр*» ‘седло, седловина’ и монгольскому «*амал*» - ‘седло, седловина’, что является отсылкой к форме горы, вершина которой очертаниями напоминает гигантское седло [СТ БАСССР: 57]. Но многие исследователи уже указывали на сомнительность подобного объединения в одном названии корневых основ из разных языковых групп [Абсалямова 2022: 17]. Искали корни названия в языке

манси, переводя его как ‘край [горы, который] сделался низким’ (*Ёр-ём-ёлы*) (Карелин В.), возводят его к глаголу «*иретеу*» ‘плавить’ и переводят как ‘плавильня, место плавки» (Вахитов Р.), объясняют от иранского *aram* – ‘покой’ (Хамидуллин С. И.) и др. толкования [см. Абсалямова 2021: 17].

Можно предположить, что в названии горы имеется топоформант *-mel-*, означающий «вершину»: санскритское *mauli* – ‘вершина горы, остриё, диадема’; гэльское (шотландское и ирландское) *mullach* /*muləx*/ – ‘вершина, крыша, пик, крона, гребень’, валлийское *moel* – ‘голый холм’.

Топоформант *-moel* часто встречается в топонимике Уэллса (Moelfre и др.), топоформант *-mala* имеется в балтийском топониме Юрмала от *jūra* ‘море + *mala* ‘берег, край».

ПраИЕ корень **mal, mel* > др.-греч. *про-μόλη* – ‘подножие горы’, албанское *mal* – ‘гора’, латыш. *mala* – ‘край, берег’, средн.-ирл. *Mell* – ‘холм’, литовское *lųg-malas* – ‘с пологими берегами’, дако-румынское *mal* – ‘берег’ (диалектн. ‘холм’).

В античной географии известен дакийский топоним *Dacia Malvensis* = *Dacia Ripensis* – ‘Горная Дакия’ – римская провинция; древнемакедонский ороним *Μαλειάων ὄρος*.

Первый компонент *Ire-*: санскритское *irā* – ‘ветер’ (в локативном падеже *īre*), др.-греч. *αὔρα* (*aura*) – ‘ветер’.

Возможное значение: **Īre-mauli* – «вершина ветров».

Обоснование этимологии: Соответствует географическим реалиям Иремеля, где с ледникового периода сохранился микроклимат горной тундры. Обычно на горе дуют сильные ветры, а метели зимой длятся 35-63 дня. Часто можно видеть, что вершина горы скрывается в облаках (Рис.4).

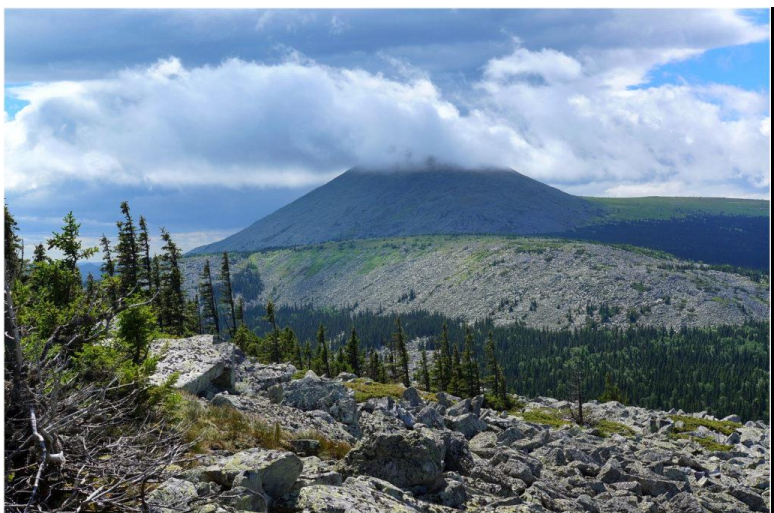

Рис. 4. Гора Иремель (фотография)

Семантика оронимов со значением «гора ветра» встречается ещё в двух оронимах Урала: гора Ицыл на Южном Урале (от башкирского ‘вечный ветер’ по Н. И. Шувалову) [Шувалов 1989: 217]; Тэл-по-зиз – наиболее значительная вершина Северного Урала (значение в языке коми – ‘Гнездо ветров’) [Матвеев 1990: 102].

Бердяуш и топонимы с формантом –иш

Группа топонимов, вероятно объединённая индоевропейской флексией *–us*. ***Бердяуш***, река. В Словаре топонимов Саткинского района река названа «топонимом-загадкой». «Имеет несколько названий: «хариус», «таинственные звуки», «камень», «медь», но все они далеки от понимания» [Чернецов 1991: 5]. В журнале «Уральский следопыт» описана легенда, о том, что некогда пересохли родники и люди стали копать колодец. Но из под земли раздался *бертауш* нечистых духов («бер» – ‘один’, «тауш» – ‘таинственный голос’), который запретил рыть этот колодец [Хасанов 1992: 73].

Толкование «хариус» – это версия журналиста М. С. Фонотова: «У всех топонимистов одно: топоним «Бердяуш» – загадка. Загадка-то загадка, но можно подумать, что отгадка уже на кончике языка. Надо только перевести слово «Берда» (Бердя)... Как обычно, прежде всего прибежем к башкирскому языку. У башкир «бэрзе» (или «бярдэ»?) – это хариус. У татар «бэрде» – это пескарь. И там, и там – рыба. А почему бы и нет? Почему бы малую речушку

не назвать именем рыбы, которая в ней водится? В Бердяуше говорят, что в их речке и в наше время не извелся хариус. На этом можно и остановиться: речка Бердяуш — Хариусная». Окончание *-уш* журналист иронично предложил принять за «суффикс-префикс» [Фонотов]. Встречаются также толкования от «бирде» – ‘дар’, «бердяш» – ‘единодушный’.

В основе топонима может лежать типичное нарицательное для рек имя со значением ‘разрезать’, ‘разделять’ от ПраИЕ корня *bherdh- – ‘резать’ > литовск. *perdai//ijimas* – ‘разделение’, ‘раздел’; *perdai// -yti (-ija, -ijo)* – ‘передел (имущества); *perdai// -yti* – ‘разделить/делить пополам’; санскр. *bardhaka-* – ‘резка’.

Реконструкция гидронима *bherdh-ai-us – «рассекающий поток».

Индоевропейские языки принадлежат к флективным языкам, в которых преобладает словоизменение при помощи флексий — формантов, сочетающих сразу несколько значений (от лат. *flectivus* – ‘гибкий’), в отличие от агглютинативных, в котором каждый формант несёт только одно значение. Флексия в топониме Бердяуш не случайная морфологическая единица. Она имеет этимологическое значение и объясняется только на индоевропейской основе. Литовский язык признаётся наиболее архаичным из всех современных индоевропейских языков, поскольку он сохранил множество древних черт праиндоевропейского языка. Если для речного потока нужно дать определение «поток рассекающий, разделяющий», то в соответствующих прилагательных или существительных литовского языка это будет сделано с помощью формантов *-as, -us, -is* (ср. *daliklis perpūs* – «делитель пополам»).

Переход сибиланта *s > š* мог произойти скорее при посредстве русского языка (ср. башкирский ойконим Карағас > русское Карагаш).

Нургуш, хребет. «Местное башкирское население связывает с «нур» – ‘луч’, сияние’ и «кош’ – ‘птица’, то есть в переводе «Лучезарная птица». Перед нами или роскошная метафора, или народная этимология, при помощи которой осваивается какое-то древнее, может быть добашкирское, название» [Матвеев 1990: 224].

Хребет Нургуш вытянут с северо-востока на юго-запад на 42 км. При такой протяжённости название хребта может быть просто апеллятивом «хребет» из ПраИЕ корня *nug-er/n- – ‘кость, хребет’ > балтийское *nug-ar-â – ‘спина, хребет’, литовск. *nugaros* – ‘спинной’, *nugarkaulis* – ‘позвоночник’. Метатеза согласных g / r не является чем-то необычным при передаче слов, особенно тех, значение которых непонятно.

Белягуш, хребет. Вопрос о происхождении названия Белягуш был исследован А. К. Матвеевым. «Вторую часть названия «гуш» (в местном произношении «гош») часто связывают с башкирским словом «кош» — ‘птица’, которое в сложных словах выступает и в форме «гош» (ср. байгош — ‘неясыть’). Первая часть названия обыкновенно остаётся без толкования, только в одном случае было сказано, что здесь скрыто слово «бил» — ‘поясница’ и переводить надо «Птица с поясницей». Все это, конечно, очень походит на народную этимологию. Интересно совпадение основ в двух неясных оронимах — Белягуш и Белятур» [Матвеев 1990: 227].

Вопрос о происхождении названия Белятур также очень сложен и остаётся без толкования. По мнению А. К. Матвеева анализ позволяет выделить в нем компоненты «беля» и «тур». Компонент «тур» не имеет аналогий в современном башкирском языке. Это заставляет думать, что слово сохранилось только в оронимии...и о его значении можно лишь догадываться (гора, хребет, камень?). В этом отношении интересны иранские данные: осетинское *дур, дор* — ‘камень’, отраженное и в топонимике» [Матвеев 1990: 236].

Можно допустить, что в обеих оронимах компонент «беля» происходит из ПраИЕ *bhela- – ‘светлый, блестящий’, но с различными смыслами. Корень *bhela- относится к числу чрезвычайно продуктивных словообразовательных гнезд, и применим к разным явлениям, объединённым общим семантическим полем. Ландшафтные особенности хребта Белятур определяются тем, что на его вершинах имеются скалы-останцы, характерны гольцовые ступени и террасы, сложенные глыбами белых кварцитов (гребни и вершины, например *Зубцы* и др.). Поверхность террас лишена почвенно-растительного покрова

[Ландшафты, экосистемы] (Рис. 5)..

По причине этих особенностей название хребта Белятур может происходить от ПраИЕ: *bhela- – ‘светлый, блестящий’: санскр. *bhāla* – ‘лоб, бровь’, др.-греч. *phalakrós* – ‘лысый, гладкий’. Расширение корня *bhelos, по предположению М. Н. Саенко, имело исконное значение ‘с божественным белым пятном на голове’, ср. др.-греч. φαλιός (*phaliós*) – ‘имеющий белое пятно’, англ. диалект. *ball* – ‘конь с белым пятном’, что уменьшает трудности для прямого этимологического сближения с праславянским *běľь(jь) [Борисов, Шапошников 2024: 51].

Значение оронима *bhela- + *tur* – «оголѐнный, блестящий камень».

В свою очередь название хребта Белягуш, происходя из того же корня, может иметь значение «сосновый». Сосна имеет в своих эпитетах прозвание «белого дерева» из-за своей светлой древесины, особенно ранней древесины, которая может быть беловатой или желтоватой. В литовском языке *balteglė* — «пихта», дословно «белоиглая»². ПраИЕ *bhela- + агентивный суффикс *-ak (подобный словообразованию литовского *balčius* – ‘белое животное, беляк’) дают название гора *bhel-ak-us – «Ельник». Гора до макушки покрыта смешанным лесом с преобладанием хвойных деревьев (Рис. 5).

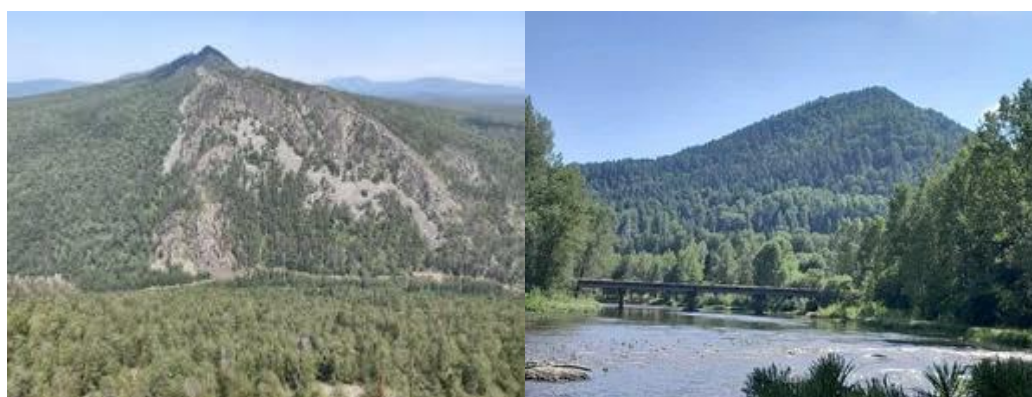

Рис. 5. Хребет Белятур (слева), хребет Белягуш (справа).

² Болгарское *смърч* – ‘ель, можжевельник», др.-русс. *смърч* – ‘можжевельник», вероятно, однокоренное с дако-румынским *mieru* – ‘светло-голубой’.

Оронимы с формантом –ardak.

Данный формант впервые выделен А. К. Матвеевым, который сблизил его с осетинской лексемой ардаг – ‘сторона, половина’ [Матвеев 1990: 245–246] < из арийского *ardha- ‘сторона’ с семантическим развитием в значение ‘склон холма, горы’ [ЭСИЯ, I: 217]: др.-инд. *ardhaḥ* – ‘сторона, половина’, осет. *ардаг* – ‘сторона’. Таких оронимов несколько:

Аджигардак. Ороним из современного башкирского языка, сколько нибудь убедительно, не толкуется [Матвеев 1990: 196]. Не отмечено также объяснений из других языков. Первый компонент в названии хребта Аджигардак можно объяснить из наличия в нём пещеры Ашинская Яма, геологически образованной в результате Ашинского разлома. Это длинная узкая трещина в скале, которая завалена сверху огромными блоками известняка. В этой щели у основания земли есть узкий лаз, ведущий в просторную полость под завалом, называемый Ашинская яма. В полости под обвалом, которая образует единственный зал, имеются несколько тоннелей, уходящих вниз (Рис. 6).

Рис. 6. Пещера Ашинская Яма (фотография)

Компонент *Аджиг-* происходит из ПраИЕ корня *gēu-, gəu- (Таблица 1).

Таблица 1.

Праиндоевропейский: *gēu-, gəu-, gū- – ‘изгиб, выпячивание’ [Pokorny, I: 393] → палеобалканское *sga-u- / *sgə-u- – ‘дыра, полость’:	
Дако-румынское	<i>zgău</i> – ‘дырообразный’
Албанский	<i>zgaver, zgauer, zgori</i> – ‘дупло’
Славянские языки	<i>ззор</i> – русск., <i>mezera</i> – ‘ззор’ (чешск.),

Дардские языки	<i>zeŋg</i> – ‘зазор’ (калашск.)
Нуристанские языки	<i>girk`ata</i> – ‘сухая пещера’ (кати)
Иранские языки	<i>зиqq</i> (дзыхъхъ) – ‘углубление, впадина’ (осетин.), <i>жавэр-валай</i> – ‘углубление, яма’ (пуштунск.)

ПраИЕ велярная согласная *ǵ на праарийском этапе отражается как *j, сохраняясь неизменной в индоарийских языках. Гласная ѣ в дако-румынском слове *zgău* происходит от ПраИЕ фонемы *ǵ. В арийском языке *ǵ переходит в <i>i</i>. Отсюда возможно предположить праиндоарийскую форму *ji-g – ‘пещера’ < ПриИЕ *ǵe-u-, которая и отразилась в орониме *Jig-ardak с протетическим звуком а. От индоарийских языков уже во II тыс. до н.э. отделяется дардская ветвь языков. В дардском *zeŋg* – ‘зазор’ (с носовой вставкой *ŋ*) ³фонема *z* восходит к арийскому *j ⁴.

В иранских языках происходит процесс ассибиляции *j > z. По реконструкции Р. Липпа процесс ассибиляции происходил следующим образом: арийская *j > ранне-праиранск. (ирано-нурист.) *z > праиранск. (с различиями по диалектам) *d^z, *d^z [Напольских 2015: 137]. В осетинском слове *дзыхъхъ* – ‘углубление, впадина’ сохранилась древнеиранская форма *d^z, поскольку диалект-предок осетинского законсервировал эту переходную форму. Из скифо-сарматских языков заимствовано слово *дзу, дзугу* – ‘ямка, лунка’ в языке коми.

Гидронимы с формантом -gan

Убаган, приток Тобола. Объясняли на базе народной этимологии от тюркского *уба* – ‘куча наваленных камней, курган, могила’ + *ган* — аффикс, ‘обозначающий наличие чего-либо’ [Койчубаев 1974: 181]. Но ещё ранее вопрос о субстратном происхождении названия реки Убаган был поставлен А. К. Матвеевым. Предположительно второй компонент в составе гидронима связывался с хантыйским *ёхан* – ‘река’ [Матвеев 1961: 139]. Однако, нам

³ Носовой звук как в слове *папиш* – ‘ноготь’ < арийск. *nakhá – ‘коготь’.

⁴ Ср. калашское *zar* – ‘быстрый’ = санскр. *ajira* – ‘быстрый’, авестийск. *zavīštya* – ‘самый быстрый’ < и.е. *ǵeu-; ǵeuǵ-, калашское (из кховарского языка) *zak* – ‘сильный’ = санскр. *ūrja* – ‘сильный’, авест. *zavah* – ‘сила’. Характерны колебания *z/j* в названии селения *Zagar/Jaggar* в Гиндукуше.

представляется, что первый компонент *уба-* в названии реки наилучшим образом объясним как индоевропейский. Этимология связана с арийск. **āra* – ‘вода, поток’: санскр. *āra* – ‘вода’. В вост.-иран. языках, в том числе в сакских языках скифо-сакской ветви, отмечается чередование *ār > ūr, ūb*: хотаносакское *utka* – ‘вода’ из **āratkā*, пушту *obé / ubé*, ваханское *yurk* – ‘вода’. Подобное чередование **ār > u* в ряде других и.-е. языков: лит. *urė*, латышск. *ure* – ‘река, поток’, реки с формантом *-ópolis* в Греции (Ασ-όπλ, Hdt. V. 80; VII. 199), фракийские гидронимы Ὑπιός, Нуpиус и Ἀξι-ούπολις, Axi-upolis (совр. *Черна вода*). Дополнительно выделение компонент *уба-* можно обосновать сравнивая его с гидронимом *Уба*, притоком Иртыша.

В таком случае второй компонент *-gan* в гидрониме *Убаган* может быть также объяснён как индоевропейский субстрат (Таблица 2):

Таблица 2.

Праиндоевропейский: <i>*ǵhan-</i> ; <i>*ǵhē-</i> ; <i>*ǵhēu-</i> – ‘зевать’ → ‘зиять’ [Pokorny, I: 411,419,449] → арийск. <i>*ghan (jhan)</i> ⁵ → индоарийск. <i>*han</i> :	
Др.-греческий	<i>χάνος (chános)</i> ; <i>χῆν (chén)</i> – ‘зевать’
Пеласгский	<i>*om-kean-os</i> → др.-греч. Ὠκεανός (<i>Okeanos</i>) – ‘река Океан’
Дако-румынский	<i>genun</i> – ‘водная пучина’
Албанский	<i>himë, humnerë</i> – ‘бездна’
Германский	<i>gape</i> – ‘бездна’ (др.-скандинавск.), голланд. <i>gapen</i> – ‘зевать, глазеть’.
Славянский	<i>зеница</i> (русск.)
Валлийский	<i>agendor</i> – ‘бездна’
Дардские языки	<i>hay kárik</i> – ‘зевать’ (калашск.); <i>rahán</i> – ‘глубокое место’ (калашск.)
Индоарийские языки	<i>hanu</i> – ‘челюсть’ (санскр.) ⁶ , <i>kan'du</i> – ‘океан’ (мальдив.)

В дардском языке калаша лексема *rahán* – «глубокое место» образована с

⁵ По мнению Л. Г. Герценберга и В. И. Абаева звонкая придыхательная **gh* ещё сохранялась в арийском языке; по Д. И. Эдельман в арийском уже начался переход **gh* в переходные к сибилантам ступени **jh > *jz* [Оранский 1979: 55]

⁶ Ср. др.-инд. *jambha* – ‘челюсти’, *jambhayati* – ‘разевает рот’, осет. *zæmbyn* – ‘зевать’.

помощью предлога *ra-* ‘к, в’, определяющего местоположение в сторону от смотрящего. Согласно словарю Ричарда Стренда такое образование характерно для нуристанских языков: *rać'eř* – ‘на вершине, выше’ < арийск. **cir-as* – ‘главный’; *rať'üc* – ‘между’ < праиндоарийск. **m'adh-ya* – ‘средний’ [Strand R.]. Дардский язык калашей имеет тесные контакты с нуристанскими языками, обусловленные длительным взаимовлиянием. Таким образом, лексема *ra-hán* – ‘глубокое место’ < индоарийск. **han* (в праиранском ожидается **d^dzan / *d^zan* < арийск. **jhan* – ‘глубокий’).

Из и.-е. корня **ghēu-* образован ряд гидронимов: иллир. **Zenta* (р. Зета в Черногории); Дзван – л. приток Днестра < иллир. **Zuen~/*Zuan-* [Трубачёв 2009: 609]; Жвана, Занів, Занев и Зон в верх. Днестра ~ фрак. *Zώνη, Ζωνίος* [Шапошников 2012: 303], глубокое озеро Chiem-see на юге Баварии.

Формант *-gan* в гидрониме Убаган может быть объяснён из праиндоарийского языка (в праиранском ожидается **d^dzan / *d^zan*). Под влиянием более поздних восточно-иранских языков (сакского, скифского, сарматского) происходит переход *āra* > *ūba*. Название *Uba-gan* < **Āra-ghaun* может иметь значение «многоводная глубь». Убаган течёт по Тургайской долине, с цепочкой озёр, крупнейшее из которых в верховьях реки. Вблизи устья Убагана находится синташтинское поселение Убаган.

В ноябре 2023 года А. Абсадык (Кустанайский университет) опубликовал на портале «Наша газета» статью, где также пришёл к выводу, что в основу *uba-* следует понимать в значении ‘вода’. Автор публикации ссылается на работы этнографов XIX века, которые отметили у казахов легенды о водных духах «убба» [Абсадык 2023]. Этимологию этого слова А. Абсадык не рассматривает. Для объяснения второго компонента *-ган* А. Абсадык предлагает считать его сокращением корня от казахского слова «*жарган*», значение которого по автору – ‘протекающий’. Читателям предлагается считать, что название реки было «*Обajarġan*» (*Ubajargan*) и «в процессе звучания оно превратилось в сокращённый вариант «*Obarġan*» (*Ubargan*)» [Абсадык 2023].

Однако слово «*жарган*» означает не «протекающий», а «овраг» и

происходит из др.-тюркского корня *jar* – ‘рассекать’ [ДТС: 139]. Название реки Сужарган в Кустанайской области означает ‘рассекла вода’ [Битанова 1961: 43]. Необъяснимо никакими законами фонологии («совместимости – несовместимости» фонем), на которые ссылается автор, утверждение, что слово *жарган* в процессе употребления сократилось, и корень *jar*- исчез. На примере гидронима Су-жарган корень *jar*- совершенно прозрачен для понимания и сохраняется целиком.

Куркак, хребет. «Куркак» по-башкирски значит «трус», «трусиха». Связь между этим словом и топонимом вызывает сомнения [Матвеев 1990: 259]. Возможно, что это ещё один ороним, название которого сохранило состояние языка праиндоарийской стадии. Поблизости от хребта Куркак расположены поселения аркаимско-синташтинского типа Селек и Улак-І. Ороним Куркак < ПраИЕ **kuelp-2* – ‘выпуклость’, его вариации **kuelək-* – ‘связка’ [Рокорпу, I: 630]: ср. санскр. *kūrcá-ḥ* – ‘связка’, *kurpara* – ‘локоть, колено’ (< **kuelp-2*), кховарское *kurkun* – ‘локоть’, калашское *harkin* – ‘локоть’. В дардских лексемах *kurkun*, *harkin* отмечается отсутствие перехода *k > ċ* во втором слоге (в отличие от санскритского *kūrcá-ḥ*).

Перенос названий частей тела в сферу топографической номенклатуры является типологически общим явлением в индоевропейских языках, этот вопрос освещается в исследовании А. И. Илиади о развитии лексической семантики в иранских и славянских языках [Илиади 2019: 128].

По предположению А. К. Матвеева в древности Куркак мог рассматриваться как одно целое с хребтами Ирендык и Малый Ирендык [Матвеев 1990: 264]. Название Ирендык (Ирентик) загадочно [Матвеев 1990: 259]. В таком случае допустимо считать, что этимология оронима Ирендык восходит к др.-иранск. **aratni* – ‘локоть’: **arətni-k* → через этап **ārətnik* (или **airətnik*) → *irəntīk* с метатезой *tn > nt*. Ороним Ирендык, возможно скифо-сарматская калька индоарийского названия Куркак.

В пределах предгорий хребта Ирендык в 1996 году экспедицией Н. С. Савельева обнаружено круглоплановое укрепленное поселение синташтинско-

аркаимского типа Улак–1. В этом же районе находится синхронный по времени абашевский могильник Баишево IV. Соседство этих памятников отчетливо маркирует контактную зону между абашевской и синташтинской археологическими культурами – восточные предгорья и межгорные долины Ирндыка [Бахшиев, Ардисламов 2015: 166]. В 2003 году в восточных предгорьях хребта Ирндык выявлено поселение эпохи бронзы Селек. На своих наиболее ранних этапах существования поселение застраивалось по «аркаимскому типу» (круговая планировка и радиальное расположение жилищ). Применительно к территории Башкирского Зауралья В. Г. Котовым и Н. С. Савельевым выявлена закономерность концентрации памятников эпохи бронзы в узкой сильно увлажненной полосе вдоль восточного склона хребта Ирндык. Этим расположением памятники эпохи бронзы принципиально отличаются от более поздних памятников эпохи раннего железа, локализованных в горных долинах [Котов, Савельев 2021: 17–28]. Непосредственно вблизи хребта Ирндык, на вершинах гор и подгорных долинах, обнаружено значительное количество каменных курганов сакского типа, которые датируются периодом с начала VII в. до н.э. Начиная с IV века до н.э. в районах Ирндыка фиксируется появление другого типа курганов с земляной насыпью, что связывается с приходом других кочевых племён – сарматских [Яминов, Яминова 2011: 49].

Ирентик, озеро. Период поздней бронзы отмечен гидронимом *Ирентик* (озеро Смолино) в Челябинске. Гидроним Ирентик, возможно, восходит к ведическому *iriṇa* – ‘ломкая земля, трещина в земле, яма’, санскр. *īriṇa* – ‘солончаки’. Этимология слова *iriṇa* не вполне ясна [KEWA I: 91-92]. *Обоснование этимологии:* Это озеро с циклами высыхания-разлива (периодами мелководное, ныне в стадии разлива). В начале XX века было известно в качестве курорта с грязевыми ваннами и отличалось значительной солёностью и значительно большей мелководностью.

Вблизи озера алакульско-фёдоровское поселение Синеглазово и ряд алакульско-фёдоровских могильников. Данные памятники датируются периодом второй четверти тыс. II до н. э. Фёдоровская культура демонстрирует

наибольшее сходство с реконструируемой культурой ведических ариев [Кузьмина 2014: 201]. Вероятно, Ирентик – гидроним времён фёдоровской или алакульской культуры.

При сопоставлении этимологического анализа омонимов Ирентик – Ирендык (Ирентик) с данными археологических исследований наглядно представляются слои индоевропейского субстрата в топонимике Южного Урала:

Ороним Куркак – праиндоарийский язык (до отделения от него дардской ветви) – синташтинская культура бронзового века (XXI-XVIII до н.э.); 2) Гидроним Ирентик – индоарийский язык, особенно близкий к ведическому – алакульская и фёдоровская культуры бронзового века (вторая четверть II тыс. до н.э.); 3) Ороним Ирендык – восточноиранские языки – племена саков и сарматов раннего железного века (время формирования оронима с VIII в. до н.э. – до третьей четверти I тыс. до н.э.). Детально вопрос рассмотрен в отдельной статье [Воронков 2021].

Выводы и заключение

Научное изучение субстратной топонимике Южного Урала несколько десятилетий назад выявило пласт топонимов, не поддающихся объяснению. Трудности понимания были связаны с тем, что на соответствующем этапе развития исторических знаний единственным возможным источником субстрата рассматривались только иранские языки, преимущественно скифо-сарматского ареала периода раннего железного века. Однако исследования лингвистов и археологические открытия последних десятилетий XX столетия позволили более глубоко осветить эту проблему. Изучение индоевропейских заимствований в фино-угорские языки показало факты широких культурных контактов с праиндоарийским языком. Существенно расширились археологические знания. Казавшиеся прежде необъяснимыми феноменами единичные памятники, такие как поселение Синташта, в результате новых открытий обрели четкие координаты в системе представлений о расселении индоевропейских племён в регионе Южного Урала в период среднего

бронзового века. Отсюда можно сделать вывод, что в субстратной топонимике также допустимо предполагать более ранние источники этимологии неясных названий.

Современные данные позволяют сделать выводы о значительной динамике этнолингвистических процессов в регионе Южного Урала в конце III тыс. до новой эры. Часть индоевропейских племён Центральной и Западной Европы, движимых резкими климатическими изменениями, переместилась в лесную и степную зоны Восточной Европы. Этот процесс привёл к трансформации фатьяновской культуры в абашевскую и к распаду катакомбной культуры. Под воздействием этих событий абашевская культура продвинулась до Южного Приуралья. Синхронно часть катакомбного населения сдвинулась к северо-востоку от Нижнего Поволжья, возможно приняв участие в культурогенезе Южно-Уральской абашевской культуры. Более отчётливо контакт абашевской и катакомбной культуры проявился в момент формирования синташтинской культуры Южного Зауралья в период XXI века до н.э. Повышение уровня взаимодействия степных и лесных индоевропейских культур привело к сложению Волго-Уральского очага культурогенеза, включавшего в себя абашевскую и синташтинскую культуру.

Феномен этого исторического процесса позволяет заключить, что он происходил в условиях полилингвизма нескольких родственных индоевропейских языков, включая праиндоарийский. С учётом продолжения синташтинских традиций в культурах андроновского круга в Южном Зауралье до конца позднего бронзового века, территория Южного Урала в течение тысячелетнего периода входила в ареал распространения древних индоевропейских языков. В этих хронологических рамках возможность формирования пласта древней индоевропейской топонимии на Южном Урале представляется вполне обоснованной.

Источники

ДТС — Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

СТ БАССР — Словарь топонимов Башкирской АССР / Под ред. Т. М. Гарипова, А. А. Камалова, З. Г. Ураксина. – Уфа: Башкирское кн. изд., 1980. 200 с.

ЭСИЯ — Расторгуева В. С. Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 327 с.; Т.4. М.: «Восточная литература» РАН, 2011. 415 с.

KEWA — Mayrhofer M. Kurzgefasstes Etymologisches Woerterbuch des Altindischen. Heidelberg: Winter.1956-1980. Bd.1. 1953-1956.

LKEŽDB — Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė. [Электронный ресурс]. URL: <http://etimologija.baltexus.lt>.

Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern: Francke, 1959–1969.

Научно-исследовательская литература

Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Сб. «Древний восток и античный мир». – М., Наука, 1972. С. 26-36.

Абсадык А. Тайны гидронима Убаган // Наша газета. Костанайский региональный портал. 18.11.2023 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ng.kz/modules/news/article.php?storyid=50603>.

Абсалямова Ю. А. Гора Иремель в сакральной топографии башкир // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Философия. 2022. Т. 28, № 4. С.15-23.

Агеева Р. А. Происхождение названий рек и озёр. – М.: Наука, 1985. 144 с.

Алаева И. П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: автореф. дисс...канд. ист. наук: 07.00.06 // Алаева Ирина Павловна; БГПУ им. М. Акмуллы: науч. рук. Т. М. Потемкина. – М. 2015.–32

Басик С. Н. Общая топонимика. – Минск: БГУ, 2006, 197 с.

Бахшиев И. И., Ардисламов Ф. Р. Поселение бронзового века Улак-1 // Геология, геоэкология и ресурсный потенциал Урала и сопредельных территорий. 2015. № 2. С. 166-168.

Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев, 1986. С. 5-43.

Битанова А. С. Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области // Вопр. ономастики. Вып. 1. – Свердловск, 1961, С.41–43.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история, 2-е изд., испр. и дополненное. – М.: Мысль, 1983. –206 с.

Борзунов В. А., Стефанов В. И., Бельтикова Г. В., Кузьминых С. В. Серный Ключ – памятник абашевской «Экспедиции» в горно-лесную зону Урала // Российская археология. 2020. № 1. С. 117-131.

Борисов К. Л., Шапошников А. К. Русско-санскритский сопоставительный словарь. – СПб: Нестор-история, 2024. – 480 с.

Бочкарев В. С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции 21-25 августа. Саратов. – СПб, 1995, С. 18-29

Бочкарёв В. С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург, Самара, Донецк: «Рифей». 2010. С. 292-343

Букачёва А.О., Макуров Ю. С. Синташтинский могильник: итоги сезона 2022 года // Российские древности. URL: <https://russianold.ru/2022/09/10/sintashta2022/>

Бухарова Г. Х. Топонимы индоиранского происхождения, характеризующие водные объекты и горный ландшафт Башкортостана // Вестник Академии наук РБ. 2013. Том 18. № 2. С. 66-79.

Бухарова Г. Х. Башкирская географическая терминология (историкокультурный и этимологический комментарий, лексикографирование). – СПб: Изд-во Социально-гуманитарное знание, 2016. 273 с.

Васильев И. Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., – Чебоксары, 2003. С. 107-111.

Васильев И. Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ранний и средний бронзовый век Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. С. 6-64.

Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. – 1992. № 5. С. 50-59.

Воронков А. А. Лингвистическая карта Южного Урала эпохи бронзы // Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век. /А. В. Епимахов и др. // История Южного Урала: в 8 т. / – Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2019. Т. 2. С. 357-385.

Воронков А. А. Озеро Ирентик, хребет Ирндык и субстратные слои в топонимике Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2021. Т. 21. № 4. С. 6-12.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейская прародина и расселение

индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства. № 9. 2013. С. 110-136

Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племён // Советская археология. 1977. № 4. С. 54-73.

Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд. иностр. лит., 1958. 317 с.

Григорьев С. А. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Выпуск 25. – Екатеринбург-Сургут: УрГУ– Магеллан, 2008. С. 175-193.

Дыбо В. А. Диалектное членение праиндоевропейского языка по акцентологическим данным // Journal of Language Relationship – Вопросы языкового родства. 2013. № 9. С. 93-108.

Дьяконов И. М. Прародина индоевропейцев /по поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии? – М. 1994» // ВДИ, 1995, № 1. С. 123-130.

Живлов М. А. Андроновский арийский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. – М: Academia, 2013. – 512 с.

Жих М. И. Начальные этапы истории славян // Исторический формат. № 4. 2020. С. 8-35.

Зданович Г. Б. Аркаим: Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия, – Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21-42.

Зданович Д. Г. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и элладский регион в XVIII-XVI вв. до н.э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конференции, – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995, часть V. Кн. 1. С. 63-65.

Злыгостев А. С. Ботанико-географические районы Южного Урала // Plantlife.ru // URL: <http://plantlife.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st003.shtml>

Иванов Вяч. Вс. К возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции / Под ред. Д. Г. Здановича, Н.О. Ивановой, И.В. Предеиной. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 45-47.

Илиади А. И. Типология в семантике: ирано-славянские семасиологические встречи // Науковий вісник ПНПУ ім. К. Д. Ушинського. – 2019. –№ 29. – С. 120-132

Кияшко А. В. К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., – Чебоксары, 2003. С.

103-106.

Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Отв. ред. А.Т. Кайдаров. – Алма-Ата: Изд. «Наука» Казахской ССР, 1974. 274 с.

Крайнов Д. А. Металлургия у племён фатьяновской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып.127. Памятники эпохи неолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. С. 10-17.

Котов В. Г., Савельев Н. С. Укреплённое поселение Селек эпохи бронзы в Башкирском Зауралье (итоги исследований 2003 года) // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 17–28.

Корочкова О. Н., Усманова Э. Р. Знак пути в символике федоровской культуры // Уральский исторический вестник.– 2020. – № 4 (69). С. 74–83.

Кувандыкская энциклопедия / Гл. ред.-сост. С. М. Стрельников. – Челябинск: Челябинский Дом печати, 2013. 407 с.

Кузьмина Е. Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., – Чебоксары, 2003. С. 76-77.

Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. Изд. 2-е. – М.: Летний сад, 2014. 558 с.

Ландшафты, экосистемы // Южно-Уральский государственный природный заповедник [Электронный ресурс]. <http://south-ural-reserve.ru/home/about-the-area/landscapes-ecosystems>

Литвиненко Р. А. Южно-Уральский очаг культуuroгенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., – Чебоксары, 2003. С. 145-152.

Лопатин В. А. Вольско-лбищенский вектор культуuroгенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Выпуск 10. – Саратов: 2012. 230 с.

Малютина Т. С. Федоровская культура урало-казахстанских степей / автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.06 //Малютина Татьяна Сергеевна; Екатеринбургск. Гос. Универ.: науч. рук. Н. Я. Мерперт. – М. 1994. 27 с. Матвеев А. К. Древнеуральская топонимия и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Вып. 1. – Свердловск, 1961. С. 133-141.

Матвеев А. К. Вершины Каменного пояса. Названия гор Урала. Изд. 2-е, перераб. и дополн. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд., 1990. 288 с.

Матвеев А. К. Топонимия Урала как памятник языка и истории // Известия Уральского государственного университета. 2001 № 19. С. 7-11.

Мельник В. И. Катакомбная культурно-историческая область: структура, номенклатура, динамика развития // Краткие сообщения Инст. археологии РАН. Вып. 223. 2009. С. 271-274.

Мимоход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // Российская археология, 2018. № 2. С. 33–48

Мимоход Р. А. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. Дисс. докт. ист. наук: 5.6.3; ФГБУН Институт археологии РАН. М., 2022. 1016 с.

Михайлов Ю. И. К проблеме определения этнокультурной принадлежности синташтинских памятников // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. – СПб: Изд. Гос. Эрмитажа, 2002, Кн. 1. С. 200-204.

Напольских В. В. Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сб. трудов конф. памяти проф. В. А. Сафронова). – М.: Изд. МГОУ. 2010. С. 231-244.

Напольских В. В. Проблема начала фино-угорско-иранских контактов // Напольских В. В. Очерки по этнической истории. – Казань: Инст. археологии им. А. Х. Халикова АН Респ. Татарстан, 2015. С. 124–140.

Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2) // Oriental Studies. 2019. №. 4. С. 570-579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579

Никонов В. А. Топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. 509 с.

Оранский М. И. Иранские языки в историческом освещении. М.: Наука, 1979. 238 с.

Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. – Л.: Изд. ЛГУ, 1988. – 267 с.

Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. – СПб: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2001, 480 с.

Плаксына А. М., Маркова Л. М., Макарова К. С. Восстановление степных ландшафтов в режиме заповедования на примере заповедника «Аркаим» // Степи Северной Евразии: материалы IX международного симпозиума / под научной редакцией академика РАН А.А. Чибилёва. – Оренбург: Изд. ОГУ, 2021. С.642-649.

Поздняков А. А. К происхождению некоторых названий семейства псовых // Acta linguistica. 2011. V. 5. № 2. С. 69–79.

Пойменные леса // Лесная энциклопедия: В 2-х т., т.2 / Гл.ред. Воробьев Г. И.; – М.: Сов. энциклопедия, 1986. 631 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://forest.geoman.ru/forest/item/f00/s02/e0002200/index.shtml>

Пыслару И.. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum plus. №2. 2000. С. 322-345

Река Куросан // Челябинская область // [Электронный ресурс]. URL: - <http://chel-portal.ru/enc/Куросан>

Салмин А. К. Чувашское божество Кгвар // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2007. С. 36-41.

Стеблин-Каменский И.М. Вступительные статьи // Гаты Заратуштры / Пер. с авест., коммент. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2009. – С. 4–32.

Сухорукова Е. П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья: по материалам погребальных памятников // Автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.06 / Кияшко А. В.; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2008. 21 с.

Топоров В.Н. Балтийские языки // Языки мира. Балтийские языки / ред. В.Н. Топоров. – М.: Academia, 2006. С. 10-49.

Трубачёв О. Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 39-63.

Уразметова А. В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация: монография. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2022. — 172 с.

Хасанов Ф. Земля величиной со шкуру // Уральский следопыт. –№ 3. –1992. С. 73

Хелимский Е. А Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев? // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. – М. Языки русской культуры. 2000. С. 502-511

Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3. С. 86-103.

Фонотов М. С. Урал: имена и времена. Бердяуш // – URL: <https://toposural.ru/index.php/goroda-i-poseleniya/uralberdyuch>

Фрибус А.В. Происхождение афанасьевской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Шер Я. А.; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 1999. 26 с.

Шапошников А. К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология 2009–2011. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. – М.: Наука, 2012. С. 252-308.

Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Топонимический словарь. – Челябинск: ЮУКИ, 1982. 127 с.

Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Топонимический словарь. Изд. 2-е, перераб. и дополн. – Челябинск: ЮУКИ, 1989. 160 с.

Чернецов В. П. Словарь саткинских топонимов. – Челябинск, 1991. 50 с.

Яминов А. Ф. Яминова С. А. Историко-археологический и ландшафтный заповедник «Ирендык» // Вестник Академии наук РБ. 2011. Том 16. № 3. С. 42-52.

Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. – М.: Наука. 1980. С. 148-157.

Яценко С. А. Боги сарматов. // МАИАСП. № 51. 2022. С. 143-170.

Anthony David W., Khokhlov A. A. , Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River (нем.) // Praehistorische Zeitschrift. — 2022-06-01. — Bd. 97, H. 1. — S. 22–67.]

Blaen-Llech // – URL: <https://www.geograph.org.uk/photo/932033>

Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of tree-diagram models of the Indo-European languages, The Journal of Indo-European studies. Vol. 35, 2007. pp. 82-109.

Historic battlefields in Wales // – URL: <https://meysyddbrwydro.cymru/wp-content/uploads/2017/02/Aberllech-1096-Gildas-2013.pdf>

Karpeĭan K., Pärpölä A. The Abashevo culture and the Earliest history of the Indo-Iranian and the Uralic (Finno-Ugric) languages // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф. / – Чебоксары, 2003. С. 78-79

Kassian A. S, Zhivlov M. A., Starostin G. S., Trofimov A.A., Kocharov P. A., Kuritsyna A. V., Saenko M. N., Rapid radiation of the Inner Indo-European languages: an advanced approach to Indo-European lexicostatistics // Linguistics. – 2021. – Vol.59. – № 4. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ling-2020-0060/html>. (дата обращения: 16.02.2023).

Lichardus J. and Vladar J. Karpatenbecken – Sintasta – Mikeny Ein Beitrag Zur Definition Der Brinztzeit Als Historischer Epoche // Slovenská archeológia. T. XLIV-1. 1996. P. 25-93.

Nant-Llech. – URL: https://wikishire.co.uk/wiki/Nant_Llech

Olander T. The early disintegration of Indo-European. When archaeology meet linguistics and genetics, Gothenburg University, 3 May 2018.

Pärpölä A. Finnish vatsa ~ Sanskrit vatsá- and the formation of Indo-Iranian and Uralic languages // *SUSA/JSFOu* 96, 2017. P. 245-286.

Patterson N., Lazaridis I., Reich D., The Genetic Origin of the Indo-Europeans, [Электронный ресурс] – URL: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2024.04.17.589597v1.full>].

Strand Richard F. Nûristânî Etymological Lexicon. – URL: <http://nuristan.info/lngFrameL.html>

Voronkov, Alexander Anatolievich, historian, Russian Federation, alvin21@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1824-5631>